
Л. А. МУСАЕЛЯН

МАРКСОВО УЧЕНИЕ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ И ТЕОРИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Гегель был убежден, что философия не в состоянии предсказать, каким должен быть мир в перспективе, ибо в качестве мысли о мире философия появляется лишь после того, как действительность закончила процесс своего завершения¹. Маркс и Энгельс своей философией доказали, по меньшей мере, спорность этого тезиса. Солидные эвристические возможности теории, разработанной основоположниками марксизма, обусловлены новым подходом к пониманию предмета, задач философии и методов исследования действительности. Без преувеличения можно сказать, что человек является фокусом всей теории Маркса, а его освобождение он считал главной своей задачей. Поэтому далеко не случайно то, что анализ общества и исторического процесса основоположники марксизма начинают с конкретных индивидов и способа их существования.

«Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает как с тем, что они воспроизводят, так и с тем, как они производят»². Другими словами, тип труда, проявляющийся в различных видах деятельности индивидов и выражающий уровень развития родовой и индивидуальной сущности, выступает своеобразным маркером, отделяющим друг от друга качественно различные периоды истории³. Поэтому, анализируя развитие производительных сил, Маркс подвергает детальному научному исследованию те процессы и тенденции, которые

¹ Гегель, Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 56.

² Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 3. С. 19.

³ См. там же. С. 20–24.

формируются в сфере труда (живого, овеществленного и общественного труда в целом).

Согласно Марксу, любая сложная техника является результатом кооперативной деятельности рабочих, инженеров, конструкторов, ученых и т. д. Развитие промышленности сопровождается количественным и качественным увеличением «совокупного рабочего», что ведет к росту содержания общественного труда. Возрастание кооперативности труда при развитии промышленности становится «технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда»⁴. В то же время прогресс производственной техники способствует все большему онаучиванию производства, поскольку всякая сложная машина есть «сознательное применение естествознания»⁵. Эти две тенденции, обусловленные аккумулятивным развитием производительных сил, ведут к формированию всеобщего труда⁶.

Возникновение всеобщего труда, с точки зрения Маркса, приводит к преодолению стоимостных отношений, разложению и самоотрицанию капитала как господствующей формы производства. Капитал, обусловленный определенным уровнем развития производительных сил, включающих в себя и науку, кровно заинтересован в форсированном их развитии. «...Тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства»⁷. Таким образом, капитал работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством. В результате на определенном этапе развития крупной промышленности возникают условия, при которых созидание действительного богатства общества оказывается все более зависимым не от рабочего времени и количества затраченного труда, а от общего «уровня развития науки и от прогресса техники или применения этой науки к производству»⁸. Поэтому капиталистическое общество, базирующееся на «противоположности капитала и наемного труда,

⁴ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 23. С. 397.

⁵ Там же.

⁶ См. там же. Т. 25. Ч. I. С. 116; Т. 46. Ч. II. С. 110.

⁷ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 206.

⁸ Там же. С. 213.

представляет собой последнюю ступень развития стоимостного отношения и основанного на стоимости производства»⁹. Формирование всеобщего труда, по теории Маркса, означает возникновение нового типа труда (материального производства), выражающего качественно новую ступень развития индивидов и общества в целом. Не получение прибавочной стоимости, не увеличение капитала, а развитие общественного индивида является теперь целью, смыслом и главным мотивом общественного производства¹⁰. До сих пор развитие социальных индивидов было, скорее, стихийным, непреднамеренным результатом общественного производства и исторического процесса. Теперь же человек оказывается одновременно основой, субъектом, предметом и целью исторического процесса. Поэтому с формированием всеобщего труда начинается новая эпоха в истории человечества – эпоха реального гуманизма.

Согласно теории Маркса, материальное (и в целом общественное) производство полифункционально. Оно является способом существования, самоорганизации (интеграции), воспроизводства и развития общества. Поэтому преодоление производства, основанного на антагонизме капитала и наемного труда, способствует изменению типа социального прогресса. Возникновение всеобщего труда означает появление социально-экономической и технологической базы для свободного и всестороннего развития индивидов. Существование одностороннего частичного труда, сдерживающего универсальное развитие человека, Маркс объясняет жесткой экономической необходимостью и зависимостью работника от работодателя. Свободное время, являющееся, по Марксу, простором для развития человека, находится за пределами производственного процесса. Существующее у неработающих имущих слоев населения свободное время основано на прибавочном (или чрезмерном) труде работающей части общества. Поэтому, как отмечает Маркс, «развитие человеческих способностей на одной стороне базируется на тех барьерах, которые поставлены развитию на другой стороне. На этом антагонизме базируется вся существующая до сих пор цивилизация и все общественное развитие»¹¹. Капитал, форсируя про-

⁹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 212–213.

¹⁰ См. там же. С. 214.

¹¹ Там же. Т. 47. С. 211.

гресс науки и техники, постоянно повышая производительность труда, помимо своей воли создает условия «для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к все сокращающемуся минимуму и, тем самым, для высвобождения времени всех [членов общества] для их собственного развития»¹². С формированием всеобщего труда развитие производительной силы всех индивидов становится действительным богатством общества и основой социального прогресса¹³. Кроме того, с возникновением научного труда, обладающего мощной производительностью, прекращается работа, диктуемая нуждой, что означает переход человечества из царства необходимости в царство свободы¹⁴. Свободная, целенаправленная, самосозидающая деятельность индивидов (социальной субстанции) выступает основой нового этапа истории человечества.

С формированием всеобщего труда происходят качественные изменения в социальных функциях общественного производства, в частности, меняется характер развития индивидов и способ их самоорганизации. По мнению основоположников марксизма, производство, основанное на всеобщем труде, не может вестись односторонне развитыми индивидами. Управляя многочисленными силами природы, человек сам выступает в роли универсальной силы природы¹⁵. Иначе, всеобщий труд предполагает универсальных индивидов, развивающихся универсально. Возникновение всеобщего труда, согласно теории Маркса и Энгельса, сопряжено не только с преодолением прежнего, преимущественно одностороннего развития индивидов, но и старой формы их самоорганизации. Новое общество, возникнув в результате развития и самоотрицания капитализма, «дает возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности»¹⁶, что и способствует их универсальному развитию. Другими словами, общественное производство, основанное на всеобщем труде, обуславливает новую (универсальную) форму самоорганизации индивидов, соответ-

¹² Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 217.

¹³ См. там же.

¹⁴ См. там же. Т. 25. Ч. II. С. 386–387.

¹⁵ См. там же. Т. 4. С. 335–336.; Т. 46. Ч. II. С. 110.

¹⁶ Там же. Т. 4. С. 336.

ствующую их универсальной природе. Поэтому здесь «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹⁷. Согласно основоположникам марксизма, переход человечества к этой новой исторической эпохе, коммунизму, предполагает также снятие фундаментального противоречия (отчуждения) между родовой и индивидуальной сущностью человека. Коммунизм Маркс и Энгельс не считали конечной целью, «состоянием» человечества, а лишь универсальной формой его саморазвития, ибо в этом обществе смыслом и целью общественного производства является всестороннее развитие индивидов. Здесь впервые развитие становится способом существования общества.

Вывод Маркса о формировании в будущем всеобщего труда и о постепенной трансформации капитализма, по свидетельству многих зарубежных и отечественных исследователей, получает все большее подтверждение в развитии современных постиндустриальных стран. «...Маркс, – отмечает в этой связи В. В. Орлов, – фактически за сто лет предсказал фундаментальные тенденции развития товарного производства («рыночной экономики») – его постепенное вырождение под влиянием научно-технического прогресса. Фундаментальные особенности постиндустриального общества были фактически предсказаны Марксом»¹⁸. Эти предсказания являются одним из крупнейших открытий социальной философии XIX века и свидетельствуют о большом эвристическом потенциале теории Маркса.

Из современных исследований, в которых подтвердились многие прогнозы Маркса, наибольший интерес представляют наработки, полученные Д. Беллом и другими представителями теории постиндустриального общества.

Всю историю человечества Д. Белл делит на три эпохи: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Первый тип социальной организации базируется на добывающих видах хозяйственной деятельности: земледелии, рыболовстве, извлечении полезных ископаемых и т. д. Характерным для этого общества является неквалифицированный физический труд, основанный на

¹⁷ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 4. С. 447.

¹⁸ Орлов, В. В. Философия и политическая экономия. Критический очерк технико-трудовой теории стоимости // Новые идеи в философии. Вып. 4. Пермь, 1996. С. 73.

взаимодействии человека и природы. Индустриальная социальная организация определяется фабричным производством с использованием энергии и технологии для массового выпуска товаров. Труд представляется уже как взаимодействие человека с искусственной природой, то есть машинами. В постиндустриальном обществе сохраняются и развиваются сферы экономики, сформировавшиеся в предыдущих эпохах, но определяющими для данного типа социальной организации выступают сервисные сектора хозяйствования: торговля, транспорт, финансы, здравоохранение, образование, наука и т. д. Большинство этих услуг, согласно Беллу, являются продуктом высококвалифицированного сложного труда, не сводимым к простому и не определяемым в рыночных категориях. Образ жизни в этом обществе определяется как «взаимодействие людей друг с другом»¹⁹.

Корни постиндустриального общества Белл усматривает в беспрецедентном влиянии науки на производство²⁰. По его мнению, Маркс одним из первых осознал важнейшую роль науки в преобразовании мира и предсказал (в третьем томе «Капитала») возникновение административного класса «белых воротничков», численность которых будет непропорционально велика по сравнению с рабочим классом²¹. Анализируя последствия масштабного влияния науки на хозяйственную жизнь развитых стран мира, Белл отмечает все возрастающую роль в экономике этих стран высококвалифицированного сложного труда, тенденцию преодоления стоимостных отношений и товарного хозяйства, изменение мотивации к труду, социализацию («социологизацию») общественного производства, нацеленного все более на удовлетворение различных потребностей индивидов, увеличение свободного времени работающего населения и т. д. Как уже отмечалось, многие из этих тенденций были предсказаны Марксом.

Из отечественных ученых наиболее активным сторонником теории постиндустриализма и исследователем этого общества является В. Л. Иноземцев. Его взгляды на исторический процесс и на перспективу развития общества во многом совпадают с воззрениями

¹⁹ Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 110.

²⁰ См. там же. С. 505.

²¹ См. там же. С. 53–54, 79–80.

Д. Белла. Но в отличие от последнего российский ученый не дистанцируется от марксизма. По его убеждению, обе эти теории вопреки расхожему мнению методологически весьма схожи²². Всю историю человечества Иноземцев делит на три глобальных периода: доэкономический, экономический и постэкономический. Критерием определения этих типов общественных организаций служит характер деятельности людей и отношений между ними, складывающихся в процессе производства и потребления материальных благ и услуг. По мнению исследователя, выделяемая им историческая триада соответствует делению истории человечества на первичную (архаическую), вторичную и третичную (коммунизм) общественную формацию у Маркса или доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную у Белла²³. Доэкономический тип общественной формации (первобытнообщинный строй, по Марксу) основан на предтрудовой деятельности человека в борьбе за выживание и доминировании коллективного интереса над личным. Экономический тип общественной организации включает целый ряд способов производства (по Марксу – азиатский, античный, феодальный, буржуазный), обладающих общими признаками: частная собственность на средства производства, эксплуатация, общественное неравенство, доминирование личного интереса над общественным и т. д. Труд является главным характерным признаком экономического общества. Труд понимается автором как сознательная деятельность, основной побудительный мотив которой связан с удовлетворением материальных потребностей человека. Согласно Иноземцеву, целью трудовой деятельности человека в экономической формации является не производство потребительной стоимости, а материальное богатство, которое в виде продуктов труда отчуждается от самого работника. Отсюда и особенность этой эпохи – отчужденный характер труда и отношений людей друг к другу. По мысли ученого, способы производства, входящие в экономическую формацию, являются этапами становления и взрвания товарного хозяйства, которое получает наиболее полное

²² Иноземцев, В. Л. Расколота цивилизация. М., 1999. С. 32.

²³ См.: Иноземцев, В. Л. Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996. С. 32–51.

развитие при капитализме. Развитие и смена этих способов производства обусловлены развитием труда. Автор упрекает идеологов социализма за то, что те пытались преодолеть капитализм, не затрагивая глубинных причин и сущностных черт этого общества. «Устранение товарного производства, – пишет Иноземцев, – при игнорировании труда как вида деятельности и вытекающей из него материальной заинтересованности представляется недостижимым»²⁴. Развитие труда в экономическую эпоху обеспечивает расцвет производства материальных и иных благ, что в конечном итоге ведет к преодолению зависимости людей от материального производства²⁵. В этой связи, анализируя трансформации, которые претерпевают западные общества, Иноземцев приходит к выводу, что способ производства, который складывается там взамен капиталистического, может быть определен как постэкономический. Он возникает тогда, когда преодолевается труд как деятельность, диктуемая внешней экономической необходимостью, а на смену ему приходит активность, побудительным мотивом которой служит стремление человека к самосовершенствованию²⁶. Изменение стимулов человеческой деятельности означает и преодоление отчужденного труда. Труд, по мысли Иноземцева, отрицается творчеством, которое становится основой постэкономического хозяйства. Внутренним мотивом и целью творческой активности человека в постэкономическом обществе оказывается саморазвитие, самосовершенствование человека. Как показали в своих работах Д. Белл и особенно В. Л. Иноземцев, в постиндустриальном обществе возникают объективные условия для саморазвития индивидов. Во-первых, возрастает свободное время работающего населения. Во-вторых, в постиндустриальном хозяйстве активно развиваются новые сферы хозяйствования (услуги, коммуникации, здравоохранение, образование, наука и т. д.), нацеленные на максимальное удовлетворение различных потребностей индивидов и объективно способствующих их развитию. В-третьих, в связи с увеличением в экономике постиндустриальных стран удельного веса этих ин-

²⁴ Иноземцев, В. Л. Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996. С. 22.

²⁵ См.: Иноземцев, В. Л. Расколота цивилизация. С. 7–9.

²⁶ См. там же. С. 29.

тенсивно развивающихся новых сфер хозяйствования в обществе постепенно растет спрос на высококвалифицированных работников, способных к выполнению сложной творческой деятельности.

Необходимо отметить, что схожие идеи относительно тенденций развития ведущих стран Запада высказывают и другие исследователи²⁷. Словом, современные изыскания ученых подтверждают научный характер важнейших прогнозов Маркса и Энгельса.

Признавая теоретическую значимость этих пионерских работ, в которых описываются фундаментальные тенденции развития человечества, нельзя не отметить и ряд спорных положений постиндустриалистов, вызвавших справедливую критику в научной литературе²⁸. Мы остановимся лишь на некоторых из них.

Согласно теоретикам постиндустриализма, основой новых сфер хозяйствования, определяющих сущность грядущей исторической эпохи, является производство знаний и информации. Иначе говоря, духовная деятельность, духовное производство оказывается способом существования и саморазвития постиндустриального общества. Подобный взгляд на природу общества и социальный прогресс противоречит материалистической теории Маркса и Энгельса. Постиндустриализм фактически претендует на роль новой фундаментальной теории, преодолевшей историческую ограниченность марксизма. Нельзя, конечно, подходить к марксистской теории как абсолютной истине в последней инстанции, как к догме. Поэтому можно было бы согласиться с претензиями постиндустриалистов, если их концепция была бы действительно позитивным преодолением «ограниченной» марксистской теории. В этом случае, согласно принципу соответствия, она должна была объяснить и ту реальность, которая описывалась предшествующей теорией, то есть капитализм. Но сторонники постиндустриализма ограничивают эвристические возможности своей парадигмы постиндустриальной эпохой. На самом деле концепция постиндустриализма с ее идеей об определяющей роли в общественной жизни духовной деятель-

²⁷ См.: Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

²⁸ См.: Левяш, И. Я. Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3; Орлов, В. В. *Философия и экономика...*; Корякин, В. В. *Современное производство: к вопросу о сущности и перспективах развития* // *Новые идеи в философии*. Вып. 12 (1). Пермь, 2003; и др.

ности есть возврат к идеалистическим воззрениям французских и немецких просветителей XVIII века, прогнозировавших наступление царства разума. История доказала научную несостоятельность и утопичность этих учений, и потому они были преодолены марксизмом в XIX веке.

В отличие от теории Маркса и Энгельса концепция постиндустриалистов носит преимущественно феноменологический характер. При таком поверхностном подходе нередко *кажимость* социальных процессов принимается за их сущность. Как отмечает В. В. Орлов, иллюзия об определяющей роли в общественной жизни духовной деятельности и «дематериализация труда» основана на неправомерном отождествлении материального труда с физическим, который действительно в ходе НТП элиминируется из производства²⁹. Это заблуждение в последние годы широко распространено и среди отечественных ученых³⁰. Феноменологический подход к истории не позволяет сторонникам этих взглядов довести «анализ новой ступени развития общества до предельных основ общественной жизни, ее субстанции – материального труда»³¹. В этом контексте субстанциальная концепция Маркса, отражающая социальную реальность не только на уровне явлений, но и сущности, имеет неоспоримое преимущество, ибо позволяет получить объективную и более полную картину общественной жизни. Анализируя экономику капитализма, Маркс рассматривал общество как органически целостную развивающуюся систему.

Марксизм, как известно, не отрицает роль духовного фактора в жизни общества и его влияние на материальное производство, но признает базисный характер последнего. Если даже абстрагироваться от этого материалистического принципа, нельзя игнорировать тот факт, что все секторы хозяйственной жизни взаимосвязаны

²⁹ См.: Орлов, В. В. Философия и экономика... С. 22.

³⁰ См.: Чангли, И. И. Труд. М., 1973; Межуев, В. М. Диалектика взаимодействия материального и духовного производства // Производство как общественный процесс. М., 1986; Он же. Социализм – пространство культуры // Исторические судьбы социализма. М., 2004; Яковец, Ю. В. История цивилизаций. М. 1997; Ойзерман, Т. И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // Вопросы философии. 2002. № 2; Волков, Г. Ю. Гуманизм и будущее России // Вестник Российского философского общества. 2003. № 2; и др.

³¹ Орлов, В. В. Проблема будущего человеческой цивилизации (товарное производство, капитализм, социализм) // Новые идеи в философии. Вып. 8. Пермь, 1999. С. 16.

и образуют единую целостную систему общественного производства, в рамках которой, как показал Маркс, осуществляется процесс производства, воспроизводства и развития социальной субстанции.

В этой связи представляется уместным привести два примера из «Капитала». Автор этой работы, как известно, опирался на другую, диалектико-материалистическую, методологию.

Маркс в третьем томе «Капитала», анализируя капиталистическое производство в целом, показывает, что совокупный общественный капитал состоит из двух своих форм – товарного и торгового. Вследствие общественного разделения труда они функционально обособились друг от друга и выступают как особые самостоятельные сферы экономической деятельности. Источник прибыли промышленного капиталиста очевиден – это разница между всем овеществленным в товарах трудом и количеством овеществленного оплаченного труда. Что же касается прибыли торгового капитала, то кажется, что она представляет избыток продажной цены над покупной. Наблюдение за торговым капиталом, отмечает Маркс, порождает такое представление³². «Однако если подойти к вопросу ближе, то скоро обнаруживается, что это – простая *видимость*, и что если предполагать капиталистический способ производства господствующим, то торговая прибыль реализуется не таким способом» (выделено нами. – Л. М.)³³. Для выявления истоков и сущности торгового капитала Маркс анализирует процесс воспроизводства совокупного общественного капитала в целом. Это позволяет ему доказать, что торговая прибыль есть часть прибавочной стоимости, произведенной товарным капиталом. Торговый капитал не участвует в производстве прибавочной стоимости, но способствует реализации этой стоимости. Именно в этой своей роли он «функционирует в процессе воспроизводства как капитал, а потому, как функционирующий капитал, извлекает долю прибавочной стоимости, произведенной всем капиталом»³⁴. Более того, денежный капитал сокращает время обращения, расширяет рынок и т. д. Поэтому он способствует увеличению прибавочной стоимости промышленного капитала, повышению его производительности, нако-

³² См.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 310–311.

³³ Там же. С. 311.

³⁴ Там же. С. 322.

плению и т. д.³⁵ В общем контексте воспроизводства капитала исчезает кажущаяся обособленность и самостоятельность торгового капитала, он оказывается «превращенным в денежный капитал, товарный капитал промышленного капиталиста...»³⁶

Не менее загадочным, на первый взгляд, выглядит и прибыль ссудного капитала, ведь в сфере обращения денег никакая стоимость, в принципе, не создается. Между тем деньги становятся капиталом и приобретают способность к самовозрастанию лишь благодаря их применению в капиталистическом производстве. Здесь «они производят прибыль, то есть дают капиталисту возможность вынимать из рабочих и присваивать определенное количество неоплаченного труда, прибавочный продукт и прибавочную стоимость. Тем самым, помимо потребительной стоимости, которой они обладают в качестве денег, они приобретают добавочную потребительную стоимость, именно ту, что они функционируют как капитал»³⁷. Как показывает Маркс, свойства денежного капитала присоединять и увеличивать стоимость основаны в конечном счете на способности рабочей силы производить большую стоимость, чем она сама имеет, производить больше, чем она стоит³⁸. Заемщик может использовать деньги по своему усмотрению и не обязательно в производстве. Формально кредитору нет дела до того, где и как будут реализованы взятые у него деньги. Для него процентные ставки кредита определяются потребительной стоимостью денег, то есть их потенциальной возможностью превращаться в форму товарного капитала и производить прибавочную стоимость. Для внешнего наблюдателя за оборотом ссудного капитала кажется, что деньги обладают «волшебным» свойством приносить деньги. На самом деле это загадочное свойство денег коренится в особенностях капиталистического использования товара рабочая сила. «Волшебное» свойство денег есть форма проявления тайны капиталистического производства, раскрытой Марксом. В конечном счете, в основе этого «волшебства» лежат магические свойства отчужденных сущностных сил человека. Таким образом, несмотря на

³⁵ См.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 303.

³⁶ Там же. С. 315.

³⁷ Там же. С. 372.

³⁸ Там же. С. 386.

свою обособленность и кажущуюся самостоятельность, существование и функционирование торгового и финансового капитала обусловлено материальным производством. Очевидно, что при нормально функционирующей экономике увеличение прибылей торгового и финансового капитала будет свидетельствовать о возросшей эффективности и значимости материального производства³⁹. Та же зависимость существует в функционировании образования, здравоохранения, науки и т. д., которые, по Д. Беллу, наряду с финансами, торговлей, услугами играют определяющую роль в жизни постиндустриальных обществ. Увеличение вклада образования, науки и т. д. в прирост ВВП, ВНП, стоимости товаров косвенно свидетельствует о возросшей роли материального производства в жизни современных развитых стран. Возросшая социальная значимость материального производства проявляется в его двояком воздействии на исторический процесс: непосредственно – через производство, воспроизводство и развитие социальной субстанции – и опосредованно – через другие сферы общественной жизни, для которых создаются объективные условия, необходимые для универсального развития индивидов. Возросшая активность и социальная значимость постиндустриальных («четверичный» и «пятеричный», по Беллу) секторов хозяйствования и есть результат переориентации мощной и эффективной сферы материального производства с чисто экономических целей на социальные. Маркс писал, что на определенном этапе развития капитала «решающим становится объем средств, «высвобожденных» из непосредственного производства и вкладываемых в «предпроизводительный» этап и в сферу заботы о человеке»⁴⁰. Социальный прогресс, как отмечал Маркс, сопровождается все большей интеграцией всех сфер общественной жизни и возрастанием целостности общества⁴¹. Главным интегрирующим фактором было и продолжает оставаться материальное производство. Поэтому происходит не «дематериализация» труда и общественного производства, а формирование сложного всеобщего труда, вытесняющего из общественного производства простой физический и монотонный, утомительный умст-

³⁹ См.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 328.

⁴⁰ См. там же. Т. 46. Ч. II. С. 33.

⁴¹ См. там же. Т. 46. Ч. I. С. 229.

венный труд. Изменяется и усложняется состав совокупного рабочего, неотъемлемой частью которого стали «белые воротнички». Эти новые тенденции, о которых свидетельствуют исследования постиндустриального (и информационного) общества, то есть онаучивание, интеллектуализация общественного труда, увеличение в составе совокупного рабочего доли работников умственного труда, отделение функции управления от собственности на средства производства и т. д., были подмечены Марксом при анализе товарного, банковского, акционерного капитала⁴². По признанию Д. Белла, почти все современные социологические теории, затрагивающие будущее капитализма, оказались диалогичны этим прогнозам Маркса⁴³. Однако Маркс нигде не пишет о возможной дематериализации производства и превращении знаний в самостоятельный фактор исторического процесса. Такие выводы отсутствуют у основоположника научной теории общества вовсе не потому, что эти «очевидные последствия» изучаемых им процессов оказались для него непостижимыми.

Согласно В. Л. Иноземцеву, в постэкономическом обществе труд отрицается творчеством⁴⁴. Доводы автора в пользу такого вывода сводятся к следующему. Замена труда творчеством обусловлена дематериализацией производства и преодолением главных системообразующих признаков экономического общества: товарного обмена, частной собственности, эксплуатации и отчуждения. Соответственно меняется и мотивация к труду. Труд «как деятельность, диктуемая исключительно внешней материальной необходимостью», заменяется творчеством, которое «побуждается стремлением человека к самосовершенствованию, и целью его выступает сам человек»⁴⁵.

Из контекста концепции постиндустриального общества следует, что отрицание труда творчеством есть результат дематериализации производства. Творчество у Иноземцева (так же, как и у Н. А. Бердяева) оказывается монополией духовной, умственной

⁴² См.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 319–330, 425, 479–480; Т. 26. Ч. III. С. 58–59.

⁴³ См.: Белл, Д. Цит. соч. С. 83.

⁴⁴ См.: Иноземцев, В. Л. Расколота цивилизация. С. 52.

⁴⁵ См. там же. С. 25, 41, 52, 54.

деятельности. Между тем творческой может быть деятельность слесаря, каменщика, а умственный труд, скажем, контролера или кассира, в силу своего утомительного однообразия, вовсе не быть таковым. Творческий труд обуславливается единством субъективных и объективных факторов: отношением человека к труду и его содержанием. Об этих двух условиях формирования творческого, привлекательного для индивидов труда писал и Маркс⁴⁶. Создание таких условий на поздних стадиях развития капитализма Маркс считал исторической заслугой этого строя⁴⁷.

По логике В. Л. Иноземцева (и Д. Белла), творчество, связанное с самореализацией человека, его стремлением к умножению способностей, талантов, оказывается удивительно легким занятием, сравнимым с игрой. Если иметь в виду под творчеством не игру финансового спекулянта на бирже, а работу хирурга, преподавателя, ученого, менеджера крупной компании, то спорность такого подхода становится очевидной. Превращение труда в самоосуществление индивида, согласно Марксу, «ни в коем случае не означает, что этот труд будет всего лишь забавой, всего лишь развлечением, как это весьма наивно, совсем в духе гризеток, понимает Фурье. Действительно свободный труд, например труд композитора, вместе с тем представляет дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение»⁴⁸. Указывая на условия формирования свободного творческого труда, Маркс пишет: «В материальном производстве труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»⁴⁹. Как видим, формирование нового типа труда, по Марксу, вовсе не означает дематериализацию производства, как об этом пишет В. Л. Иноземцев. Марксу как раз была очевидна

⁴⁶ См.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 110.

⁴⁷ См. там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

роль науки в трансформации капиталистического труда в творческую деятельность. Но научный труд в понимании Маркса «представляет собой применение знаний, экспериментальную науку, материально-творческую и предметно воплощенную науку», а не чисто духовную деятельность⁵⁰. Согласно Марксу, в результате развития производительных сил преодолевается, отрицается не труд как таковой, а отчужденные формы труда. Не общество освобождается от труда, а труд обретает свободный, творческий характер, освобождаясь от принуждения и жесткой экономической необходимости.

Наконец, последнее. Противопоставляя творчество труду, Иноземцев В. Л. не только дематериализует творческую деятельность, но и лишает труд всякого творческого потенциала. Получается, что труд в экономическую эпоху является исключительно средством существования и получения прибыли. Между тем, как убедительно показали основоположники марксизма, и в антагонистических обществах, несмотря на свой эксплуататорский характер, труд оказывается важнейшим фактором развития индивидов. Поэтому Маркс пишет: «Труд есть положительная творческая деятельность»⁵¹. Сама способность человека к развитию есть родовой признак человека, и она не может реализоваться иначе как через развитие его родовых сущностных сил. Даже сама цель капиталиста – постоянное повышение получаемой прибыли – не может быть достигнута без перманентного совершенствования производительных сил, развития общей способности человека к труду. Конечно, общий прогресс капитализма достигается «только ценой величайшего ущерба, наносимого развитию каждого индивида в отдельности»⁵². Тем не менее в своем безудержном стремлении к богатству «капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и, тем самым, создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве, и в своем потреблении, и труд, который выступает уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности...»⁵³

⁵⁰ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 221.

⁵¹ Там же. С. 113.

⁵² Там же. Т. 47. С. 186.

⁵³ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 281.

Маркс считал капитал производительным до тех пор, пока он способствует развитию производительных сил.

Д. Белл, М. Кастельс, В. Л. Иноземцев и другие исследователи при изложении своей концепции опираются на опыт наиболее развитых стран Запада и прежде всего США. В США достиг гигантских масштабов финансово-спекулятивный капитал, захвативший командные высоты в экономике и обществе. Он же оказывает существенное влияние на характер современной глобализации.

Не отрицая факта действительного углубления международного разделения труда в сфере реального производства, технологии и формирования глобальной экономики, мы считаем необходимым отметить и другой немаловажный аспект этой проблемы. Масштабы и аппетиты финансово-спекулятивного капитала делают невозможным его существование в узких границах национальных государств. Так, в конце прошлого века в поисках спекулятивной прибыли владельцы капитала ежегодно переправляли за национальные границы более полутора триллиона долларов. Обесцененные знаки, обмениваясь на реальные ценности и богатства других стран, порождали тут и там финансово-экономические кризисы, подобное этому произошло в конце 90-х годов XX века. «...Банки и кредит, – писал Маркс, – становятся в одно и то же время и могущественным средством, выводящим капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных рычагов кризисов и надувательств»⁵⁴. Понятно, что успех в деятельности финансово-спекулятивного капитала, особенно на мировом рынке, зависит от своевременного получения, переработки и использования информации. Отсюда возросшая ценность и социальная значимость информации, что нашло отражение в теории постиндустриального общества. Таким образом, в этой концепции неявно присутствует другой контекст, о котором умалчивают ее авторы. Он свидетельствует об усилении влияния финансово-спекулятивного, а по сути, паразитического капитала, о нарастании кризисных тенденций и вырождении капиталистического способа производства. Д. Белл не только не замечает эти негативные тенденции, но и полемизирует с Марксом, который предсказывал на-

⁵⁴ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 156–157.

растание подобных процессов и неизбежность самоотрицания капитализма.

Укрепление позиций символического производства в постиндустриальных странах способствовало изменению отношения к материальному труду. По свидетельству исследователя американской цивилизации М. Лернера, в обществе произошла «деградация идеи труда»⁵⁵. Английский философ Скотт Лэш отмечает маргинализацию материального труда как удел неудачников, не сумевших приспособиться к новым условиям⁵⁶. Изменившийся настрой общества, а точнее, ее элиты к труду и получил отражение в концепции постиндустриального общества. Поэтому, по Беллу, труд в грядущем обществе заменится «игрой между личностями».

Идеи западных философов, социологов, экономистов в конце прошлого столетия оказались созвучны мыслям и мотивам новой политической и экономической элиты нашей страны. Поэтому постиндустриальное общество, а точнее, та социальная реальность, где определяющие позиции занимает финансово-спекулятивный капитал, оказались своеобразной калькой, по которой осуществлялись реформы в России: приватизация народной собственности, обвальное обесценение рубля, что минимизировало долги по кредиту до символических величин, продажа купленных по символической цене реальных богатств за валюту и вывоз ее за рубеж, финансовые пирамиды, спекулятивные сделки по ценным бумагам и снова вывоз капитала и т. д. «В России, как и во всем мире, формируется не капиталистический, не социалистический, а постиндустриальный строй», – пишет известный экономист, реформатор первой волны Г. Попов⁵⁷.

Однако есть существенное различие между продуктом творчества российских реформаторов и той иноземной социальной реальностью, которая служила им моделью. В постиндустриальных странах финансово-спекулятивный капитал грабит преимущественно другие народы, в России – свой собственный. Там в тени «символического» производства скрывается мощная индустрия и эффективный аграрный сектор, обеспечивающие функционирова-

⁵⁵ Лернер, М. Развитие цивилизации в Америке: в 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 294.

⁵⁶ См.: Лэш, Ск. Критика информации. М., 2002.

⁵⁷ Попов, Г. С точки зрения социал-демократии // Независимая газета. 1999. 14 мая.

ние постиндустриальных секторов хозяйствования. У нас в ходе реформ сознательно разрушался базис общества⁵⁸. Материальное производство отчасти заменено, отчасти вытеснено «символическим» («деланием» денег, «знаков»). В результате здравоохранение, образование, наука, лишившись своей материальной основы, оказались в состоянии комы. Более того, финансирование указанных (постиндустриальных, по Беллу) секторов хозяйствования за годы реформ подверглось более чем кратному «секвестированию», ибо, с точки зрения реформаторов, они были избыточны для России. Это и понятно: «для развития продуктивного хозяйства требуется привлечение творческих возможностей цивилизации, для развития спекулятивно-мафиозной экономики и культура, и мораль – только помеха»⁵⁹. «Символическое» производство России в отличие от западного своего прототипа не имеет материальной и социальной опоры в своей собственной стране. Оно завязано с финансовой экономической системой Запада и зависит от нее. Отсюда и четкая векторизованность российских либералов-неоконсерваторов. Они являются проводниками западных идей, ценностей и нередко интересов. Страна, остро нуждающаяся в инвестициях, переводит за рубеж свой резервный фонд, инвестируя тем самым экономику развитых западных стран (прежде всего США). «Патриотизм» подобного толка у западных коллег россиян, насколько нам известно, никто не подмечал.

О том, что в результате реформ в России выиграл финансово-спекулятивный капитал, а страна перешла на путь «символического» производства, пишут и серьезные западные исследователи. Вот как оценивает ситуацию М. Кастельс, хорошо знающий нашу страну и ее проблемы. «Экономика потерпела крушение вследствие спекулятивных маневров номенклатуры ради собственной выгоды, вследствие безответственных рекомендаций о введении абстрактной политики свободного рынка со стороны Международного валютного фонда, некоторых западных советников и политически неопытных экономистов... Все это привело к невыносимым страданиям народа. Криминальная экономика выросла до пропорций, не

⁵⁸ См.: Мусаелян, Л. А. Россия в XXI веке: постиндустриальная цивилизация или эпоха средневековья? // *Философия и общество*. 2002. № 4.

⁵⁹ Панарин, А. С. Постмодернизм и глобализация // *Исторические судьбы социализма*. С. 315.

виданных в крупной индустриальной стране, связываясь с мировой криминальной экономикой и становясь фундаментальным фактором, с которым нужно считаться как в России, так и на международной арене»⁶⁰. Можно сделать вывод, что в России в результате вытеснения реального производства «символическим» возникла реальная угроза экономической безопасности страны, ставящая под вопрос само будущее России как независимого государства.

В сложившейся политической системе России власть едина и самодостаточна. Каждая из ветвей власти представляет, выражаясь языком Гегеля, «свое другое». Исполнительная власть поддерживается законодательной и судебной, а эти последние – первой. В то же время у общества отсутствуют надежные каналы влияния и контроля деятельности власти. Отсюда и характерные недуги государственных структур: вседозволенность, безответственность, низкая эффективность, коррумпированность, безнаказанность. «Буржуа, – писали основоположники марксизма, – относятся к установлениям своего режима, как еврей к закону: он обходит их, поскольку это удастся сделать в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы другие их соблюдали»⁶¹.

Виртуализация политической жизни сказалась и на состоянии самого общества и его демократических институтов. Для постмодернистских партий СМИ являются средством манипулирования сознанием населения, которое все более теряет способность отличать реальное от виртуального. Но чем неопределеннее для общества (теперь «электората») эта граница, тем определеннее исход выборов. В этих условиях роль народа в политической жизни страны сводится хотя и к необходимому, но чисто символическому акту – участию в выборах.

Формально демократические институты присутствуют. Но это, скорее, бытие символа, знака вне наличия самой обозначаемой реальности. Знак в таком случае, согласно философии постмодерна, означает «отложенное присутствие» референта⁶². Но отложенное присутствие последнего ведет к его отложенному применению, ис-

⁶⁰ Кагель, М. Цит. соч. С. 490.

⁶¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 3. С. 168.

⁶² См.: Деррида, Ж. *Difference* // Гурко, Е. *Тексты и деконструкции*. Деррида, Ж. *Difference*. Томск, 1999. С. 133.

пользованию. «При этом, – отмечает Деррида, – не имеет значения, идет ли речь о словесных или письменных знаках, денежных знаках (видимо, «отложенное присутствие» зарплаты. – *Л. М.*), делегатах на выборах или политических представителях...»⁶³.

Если постмодерн есть проявление глубокого кризиса западной философии⁶⁴, то постмодернистские веяния в политике – это признаки эрозии и вырождения буржуазной демократии. В самом деле, можно ли назвать демократией систему, в которой воля не народа, а одного лица (финансового магната) или группы подобных определяет исход президентских или парламентских выборов, причем не только в собственной стране. Существующие представления о режимах правления сформировались в индустриальную эпоху и сегодня они «не работают». Требования социального прогресса и гуманизма диктуют применение иных (содержательных) критериев в определении демократии, нежели формально декларируемое народовластие, равенство всех перед законом, свобода слова и т. д.

Ценность постсоветского опыта России заключается в том, что благодаря ему произошла демифологизация представлений россиян (и не только их) о неограниченных возможностях рыночной экономики и буржуазной демократии. Переняв у Запада технологии «символического» производства и виртуальной политики, российские реформаторы невольно обнажили теневые стороны и кризисные тенденции буржуазного общества, о которых в свое время писал Маркс. В этом контексте негативный опыт российских реформ является блестящим подтверждением материалистической теории исторического процесса Маркса и его прогнозов.

⁶³ Деррида, Ж. *Difference* // Гурко, Е. *Тексты и деконструкции*. Деррида, Ж. *Difference*. Томск, 1999. С. 133.

⁶⁴ См.: Гобозов, И. А. *Философия как постижение эпохи* // *Философия и общество*. 2003. № 3.